

Пульс:

Последний вызов

Руслан Жемухов

Пульс. Последний вызов

<https://litres.ru/74658047>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга - один день из жизни бригады скорой помощи. День, который начинается в 6:40 с будильника, а заканчивается в реанимации.

Это роман о людях, которые спасают других, забывая о себе. О том, что работа — это не всё. Но иногда это единственное, что имеет значение. И о том, что за каждым «нормально» скрывается «я на пределе».

Пульс. Последний вызов

Пульс - это единственное, что имеет значение.

Не давление. Не температура. Не сатурация.

Пульс. Ты кладёшь два пальца на запястье или на шею, замираешь - и слушаешь. Если есть - ты выдыхаешь. Если нет - ты начинаешь считать.

Пульс - это ритм. Это доказательство.

Глава 1 запах «Нитроглицерина и кофе» - Главное в нашей работе - это не сирена, сирена для других, для тех, кто уступит дорогу. Главное - запах.

Настя просыпается раньше будильника. Всегда. Она говорит, что это привычка детства. Организм сам знает, когда пора вставать, даже если глаза ещё слипаются. Она лежит и смотрит на него. Андрей спит на животе, уткнувшись лицом в подушку. Одна рука свесилась с кровати. Другая под головой. Он дышит тяжело, с присвистом. Как будто ему не хватает воздуха. Как будто он всё ещё там на вызове, в чужой квартире, с чужим человеком на руках. Настя знает этот сон. Она видела его много раз. Он не рассказывает, что ему снится. Но она слышит. Иногда он бормочет: «Пульс есть... пульс есть...» Иногда кричит: «Лена, диазепам!» Иногда просто стонет. Она не будит его. Она знает: если разбудить он не заснёт снова. А ему нужно поспать. Хотя бы эти шесть часов. Она смотрит на часы. 6:38. Будильник зазвонит через две минуты. Она могла бы встать

сейчас. Сварить кофе. Приготовить завтрак. Но она лежит. Потому что эти две минуты её. Только её. Пока он спит. Пока он не ушёл. Пока он рядом. Настя красивая. Не той красотой, которую показывают в журналах. Другой. Настоящей. Волосы русые, растрёпанные после сна. Глаза серые, чуть уставшие она тоже мало спит. Лицо простое, без косметики. Морищинки у глаз от смеха или от слёз. Она сама не помнит, от чего больше. Ей двадцать восемь на не жалеет ни о чём. Даже когда он не берёт трубку даже когда он приходит в после суток и падает на кровать, не сказав ни слова. Даже когда он забывает про её день рождения - она не жалеет. Потому что она знает он не специально. Он просто устал. Он просто спасает людей. Он просто не может иначе. Она смотрит на его руки. Они лежат на подушке. Ссадины на костяшках. Мозоли на пальцах. Она знает, откуда они. Она видела, как он качает сердце. Она видела, как он сбивает руки в кровь. Она обрабатывала эти руки. Она целовала эти руки. Она плакала над этими руками. Будильник звонит в 6:40. Я не слышу его. Я никогда его не слышу. Настя говорит, что я сплю как убитый. Она трясёт меня за плечо и говорит:

— Андрюш. Вставай. На смену.

Я открываю глаза, белый потолок с трещиной в углу. Я знаю эту трещину наизусть. Я смотрю на неё каждое утро, когда просыпаюсь дома. Она похожа на реку, на молнию или трещину в моей голове, которая никогда не заживает.

— Сколько времени? — хриплю я.

— Без двадцати семь..

Я сажусь. Тело не слушается. Оно тяжёлое, как будто я не спал, а разгружал вагоны. Я спал шесть часов. Это много и это роскошь. Вчера было четыре а позавчера три.

— Ты ел вчера? — спрашивает Настя.

Я думаю. Когда я ел вчера? Днём? Вечером? Я не помню, я помню вызовы. Я помню лица. Я помню кровь на своих руках. Но еду не помню.

— Не помню, — говорю я

— Я так и думала, — она вздыхает.

Я оставила тебе контейнер. В холодильнике. Поешь перед выходом.

— Хорошо. Я не поем.

Я знаю это заранее. Я всегда говорю «хорошо» и всегда не ем. Потому что утро это самое быстрое время. Потому что нужно успеть. Потому что кто-то уже умирает, а я ещё дома. Я встаю. Иду в ванную. Смотрю на себя в зеркало. Мне тридцать лет но выгляжу на сорок, глаза красные. Щёки впалые. На лбу морщина, которой не было год назад. Я умываюсь. Холодная вода. Я надеваю джинсы, свитер, куртку. Беру сумку. Настя стоит в коридоре держа контейнер с едой.

— Возьми, — говорит она. — Пожалуйста.

Я беру зная, что не съем. Но я беру потому что она смотрит. Потому что она волнуется. Потому что она ждёт ме-

ня дома.

— Люблю тебя, — говорит она.

— И я тебя, — говорю я.

Я целую её в щёку, выхожу и сажусь в машину. Направляюсь на подстанцию. Я паркуюсь у подстанции в 7:25. Машина глохнет сама я не выключаю зажигание, она просто устала так ж, как и я. Мы с ней похожи старые, помятые, но ещё на ходу. Выхожу из машины и чувствую холодный воздух, сырой и запах мокрого асфальта. Захожу внутрь. Коридор пустой. Только лампочка мигает то горит, то не горит как наша жизнь то спасли, то не спасли, то горим, то гаснем.

Раздевалка - это маленькая комната с десятью шкафчиками. Один из них мой. На дверце надпись «Андрей». Буквы выцвели, их писал я сам, маркером. Тогда я думал, что это временно. Что я здесь ненадолго. Что я найду что-то лучше но я не нашёл и уже не ищу. Открываю шкафчик. Внутри мой синий супергеройский костюм. Он висит на крючке, как будто ждёт меня, он всегда ждёт. Он пахнет хлоркой и потом ведь я не стираю его каждый день - некогда. Я стираю его раз в неделю иногда раз в две. Он уже не пахнет чистотой. Он пахнет работой. Я снимаю куртку вешаю её в шкафчик, снимаю свитер и надеваю свой синий костюм. Он холодный, всегда холодный. Я не помню, когда он был тёплым. Наверное, никогда. Застёгиваю молнию, смотрю в зеркало. На меня смотрит уставший человек тридцать лет.

Глаза красные, щёки впалые и морщина на лбу. Я не знаю этого человека. Я знаю его слишком хорошо.

— Андрюх, — Витя заходит в раздевалку.

— Ты готов? — Готов, - говорю я автоматически и выхожу из раздевалки и направляюсь в сторону склада.

Склад - это маленькая комната в конце коридора. Дверь всегда приоткрыта, Сан Саныч говорит, что если закрыть, то «всё разворуют». Сан Санычу шестьдесят три. Работает здесь дольше чем я живу. Он знает, где лежит каждая ампула, знает, что в третьем ящике слева просроченный преднизолон, который «надо списать, но руки не достают». Он всех знает и всё помнит.

— О, третья бригада, — говорит он, не поднимая головы от газеты. — Явились.

— Здравствуйте, Сан Саныч, — говорю я.

— Здравствуй, Андрюша. Опять не спал?

— Спал.

— Врёшь, — он поднимает глаза.

— У тебя глаза как у рыбы. Красные и тусклые. Он откладывает газету. Встаёт. Кряхтит. У него бо́льшая спина говорит, что «на складе продуло, когда ещё молодым был». Он ходит медленно, но уверенно. Как человек, который знает каждый угол.

— Укладку принёс? — спрашивает он.

— Принёс. Я ставлю чемодан на стол. Сан Саныч открывает его. Смотрит. Прищуривается.

— Адреналин? — спрашивает он.

— Три.

— Мало. Бери ещё две.

— Сан Саныч, у нас по нормативу три.

— Норматив — это для бумажек, — говорит он. — А для людей — пять. Бери.

Я беру. Я не спорю. С ним бесполезно спорить. Он тридцать лет на складе. Он знает лучше. — Атропин? — продолжает он.

— Две.

— Бери три.

— Хорошо.

— Магнезия?

— Четыре.

— Бери пять.

— Сан Саныч...

— Андрюша, — он смотрит на меня и говорит — Ты знаешь, сколько раз за мою смену кому-то не хватало магнезии? Дважды. Оба раза потому что кладовщик был молодой и глупый. Я не молодой. И не глупый. Бери пять. Я беру пять. Он закрывает чемодан. Потом снова открывает пересчитывает сам. Он всегда пересчитывает сам. Говорит: «Доверяй, но проверяй. Особенно когда на кону чья-то жизнь» . — Всё сходится, — говорит он. — Хорошая укладка. Молодец.

— Спасибо, Сан Саныч.

— Не за что,

— он машет рукой.

— Иди. Тебя Витя заждался. Я беру чемодан. Иду к двери. Он окликает меня:

— Андрюша. Я оборачиваюсь. — Ты это... — он подбирает слова. — Ты береги себя. Понял?

— Понял.

— Нет, ты не понял, — он встаёт. Подходит ко мне. Кладёт руку на плечо. Ты не бережёшь себя я вижу, ведь на износ работаешь. Как моя жена, она тоже так работала. Медсестрой. Тридцать лет а потом раз, и всё. Инсульт, я остался один и знаешь, что я тогда понял?

— Что?

— Что работа — это не всё. Работа это важно. Но если ты умрёшь на работе тебя заменят. Через неделю. Может, через две. Найдут другого Андрюшу. А вот Настю твою никто не заменит. Понимаешь? Я молчу. Я не знаю, что сказать.

— Иди, — говорит он. — И запомни, что я сказал. Я выхожу. В коридоре темно. Лампочка мигает. Я думаю о его словах. О Насте. О том, что он прав. Я всегда знал, что он прав но я не знаю, как иначе. Подхожу к машине и сажусь. Салон нашей «Газели» пахнет тремя вещами: дешевым антисептиком, крепким кофе из термоса и, если честно, страхом. Иногда кровью. Но чаще всего просто потом и усталостью. Я смотрю на часы. Время 8:30. Мы на подстанции в

ожидании вызова. Диспетчер молчит, и это одновременно благословение и пытка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.